

Вера
РУДЕЦКАЯ

Ева
ВАЛЕТТИ

МАЖОР

и
деревенская красавица

Ева Валетти

Мажор и деревенская красавица

«Автор»

2026

Валетти Е.

Мажор и деревенская красавица / Е. Валетти — «Автор», 2026

Я никогда так отчаянно не мечтала сбежать из этой деревни, как этим душным летом. Всему виной столичный мажор, сосланный в нашу глушь восстанавливать дом прабабушки. Мы не должны были пересечься. Но с его приездом всё пошло наперекосяк. Теперь мне предстоит узнать правду о семье, прошлом и самой себе. И устоять перед дикой тягой к парню, который разрушает мой мир до основания.

© Валетти Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Г	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ева Валетти, Вера Рудецкая

Мажор и деревенская красавица

Глава 1

Примета проста: если на гравийку залетает машина дороже нашего дома — жди проблем.

Из окна выдачи доносится мат, и я понимаю — Палыч тоже заметил. Дачники занимают первую строчку в его рейтинге «Люди, которых я не заслужил»: требуют меню, которого нет, просят лёд в квас, жрут за пятерых и уходят, не оставив ни рубля сверху.

Это его версия.

Моя — хуже.

Сначала я их почти не замечаю.

Ташу поднос к четвёртому столику под навес — три шашлыка на пластиковых тарелках, картошка фри, чебурек, от которого фартук уже весь в масле, и два стакана кваса с подтаявшим льдом.

Кафе «У Палыча» — место без претензий. Навес из выгоревшего тента. Пластиковые стулья. Меню от руки на картонке, прилепленной скотчем к стойке.

Через пару недель я войду в ритм. Буду носить по два подноса разом, протирать столы, выдавать сдачу и улыбаться одновременно. Но я начала только в пятницу.

Воздух пахнет раскалённым фритюром и пылью с трассы, а до конца смены — минут пять.

Мыслями я уже у реки.

Поэтому не смотрю, кто подъехал, пока не слышу свист.

Оборачиваюсь.

Чёрный внедорожник стоит наискосок, заняв два места на гравийной площадке. За рулём — парень в солнечных очках, сдвинутых на лоб. Стекло опущено, локоть наружу. Ухмылка — будто парковка кафе принадлежит лично ему. Ещё двое вываливаются с заднего сиденья. Из открытых дверей бьёт бас. Тонировка. Московские номера, ещё и не простые.

Этих парней я раньше не видела.

Стягиваю кепку с логотипом кафе и запихиваю в карман фартука.

— Малышка! — кричит тот, что за рулём, через всю площадку. — Нам бы поесть побыстрому!

— Встаньте в очередь.

Двое других гогочут. Один бьёт ладонью по капоту — звук разносится по улице.

— У-у-у! Сурово тут!

Я не реагирую. Ставлю поднос. Раскладываю салфетки. Добавляю пакетики соуса из кармана фартука, улыбаюсь посетителям четвёртого столика — семья, двое детей, нормальные люди — и разворачиваюсь к стене кафе, где за отдельным столиком сидит Миша.

Картошка фри. Кетчуп. Ритуал.

Каждая палочка — ровно одно окунание. Держит двумя пальцами, макает на сантиметр. Жуёт. Берёт следующую. Футболка с Человеком-пауком заляпана по подолу, кеды болтаются над землёй, потому что ноги до асфальта не достают.

Восемь лет. Мой брат.

— Макар, вылезай уже! — орёт тот, что бил по капоту, в сторону машины. — Оцени заведение! Батя тебя в правильное место сослал!

Смех. Довольно наглый.

Четвёртый парень выбирается из внедорожника.

До этого его загораживал широкоплечий. Теперь — нет.

Выше остальных на полголовы. Тёмные волосы, чуть длиннее, чем носят тут. Футболка, в которой можно пойти разве что в московский ресторан. Кроссовки — белые. На гравийной площадке придорожного кафе.

Его взгляд находит мой. Находит — и остаётся.

Секунда.

Жара гудит. Фура проносится по трассе, обдавая парковку горячим ветром. Гравий хрустит под белыми подошвами. Он идёт к стойке, но смотрит — на меня.

— Это и есть легендарное Заречье? — спрашивает, не обращаясь ни к кому конкретно. Голос спокойный, негромкий. На фоне гогота остальных — почти нормальный. Почти.

— Это кафе «У Палыча», — отвечаю. — Заречье — дальше по дороге. Там указатель, не промахнёшься.

Один из его друзей — коренастый, загорелый, в шортах с лампасами — подходит к стойке и стучит по ней ладонью.

— Босс, а есть что-нибудь... нормальное? Ну, в смысле... — он водит пальцем по картонке с меню и пытается состроить глубокомысленное лицо. — Не шашлык.

— Чебурек, — говорю. — Картошка. Квас. Всё нормальное.

— А суши? — спрашивает третий, и все трое ржут.

— Дарь! — рявкает Палыч из окна выдачи, не поднимая головы от мангала. — Там ещё соус просили!

Высокий чуть поворачивает голову. Я вижу, как его губы беззвучно повторяют — «Дарь». Очень хочется треснуть по затылку.

— Так это на всё лето, Макар? — коренастый разваливается на пластиковом стуле, который жалобно трещит. — Батя реально тебя в бабкин дом загнал? Руками работать?

Высокий не отвечает. Садится. Вытягивает ноги. Оглядывает кафе — навес, тент, пластик, картонное меню — с выражением человека, которому показали номер в отеле и сказали, что это люкс.

— До конца августа, — говорит наконец. — Дом восстанавливаю — получу тачку. Не восстанавливаю — буду ездить на твоей.

Подмигивает коренастому.

— Жёстко, — качает головой загорелый.

— Это батя.

Я слышу всё. Стою с подносом в трёх метрах, протираю стол, который уже чистый, и слышу каждое слово.

Сама не знаю зачем слушаю.

Понимаю, что один из этих московских мальчишек проведёт лето здесь. В Заречье. Вероятно, не за рекой, в коттеджном посёлке с бассейнами и кирпичными заборами, а здесь. На нашей стороне.

— Слышь, красавица! — коренастый щёлкает пальцами в мою сторону. — Четыре шашлыка, картошку и... у вас пиво есть?

— Разливное. Тёмное и светлое.

— Четыре светлого.

— Четыре шашлыка — двадцать минут. Пиво сейчас принесу.

Иду к стойке. Разливаю пиво. Руки работают на автомате — стакан, кран, пена, стакан, кран, пена — а в голове крутится одно.

Они мне не нравятся.

Когда несу поднос к их столику, Высокий снова поднимает глаза. Остальные трепянутся, ржут, толкают друг друга локтями. Он — нет. Смотрит, как я ставлю стаканы. Коренастый тянется к пиву, задевает мою руку. Я отдёргиваю.

— Ого, — говорит коренастый. — Кусается.

— Не кусаюсь. Просто не люблю, когда трогают.

Высокий берёт стакан. Делает глоток. Смотрит поверх края — на меня. Потом — на Мишу за соседним столиком.

— Братишка? — спрашивает.

Почему-то меня это особенно злит.

— Не твоё дело.

Он чуть поднимает брови. Хмыкает. Отводит взгляд.

— Ладно, — говорит. — Понял.

Но уголок губ дёргается. Не ухмылка — что-то другое.

— Поехали домой.

Миша выдёргивает ладонь.

— Мороженое хочу, — говорит он и показывает на картонку с нарисованным рожком.

— Купим по дороге.

Снова беру его за руку, и мы идём к велику. Он стоит за кафе, между ящиками из-под помидоров и мусорным баком.

Миша бурчит, но идёт. Восемь лет, а различает мои интонации точнее любого взрослого. Тон Даши-обычной можно игнорировать. Тон Даши-старшей — нет.

Не оборачиваюсь.

Подхватываю велик от забора. Миша забирается на багажник, цепляется за футболку. Пальцы липкие от картошки.

Цепь щёлкает. Педаль проворачивается вхолостую. Щёлкает.

Со второй попытки — схватывает.

Встаю на педали. Велик стонет подо мной, руль вихляет. Колёса прокручиваются по гравию, выбрасывая мелкие камни. Облако рыжей пыли поднимается позади.

Вылетаю на грунтовку. Трасса тянется правее — асфальт блестит от жары, воздух гудит. Звук доходит до самых костей. А подо мной — сухая колея, полынь по обочинам, кузнечики врассыпную.

Через два километра — торможу. Миша соскакивает. Велик валится в траву. Сажусь прямо на землю. Колени к груди. Лоб вниз.

Дышу.

Миша присаживается на корточки. Карие глаза, серьёзные. Заглядывает снизу вверх. Потом решает, что ничего интересного, пинает камни.

Ему хорошо. Мне — нет. Ещё год.

Один год — и выпускной. Документы в Нижний. Или в Казань. Куда угодно, где можно учиться.

Вдох.

Ветер тянет с реки. Тёплый, густой, с привкусом ила и мокрого песка. Волги отсюда не видно — только ивы за обочиной и камыш стеной — но она рядом. Чувствуется.

Ради этого сюда и едут. Каждое лето — одна и та же волна. Внедорожники, прицепы с катерами, коттеджный посёлок на холме, где за забором — мангалы из кирпича и бассейны. Ради воздуха. Берега. Тишины, которую сами же давят музыкой и рёвом моторов.

Мы стоим напротив указателя. Жестяной, на ржавом столбе. Буквы когда-то были синими. Теперь серые, будто Заречье само стесняется своего имени.

«Заречье — жемчужина района».

Ниже — маркером, корявым почерком: «Ага, шас».

И ещё ниже, другой рукой: «Верните автобус!!!»

Указатель стоит здесь с тех пор, как я научилась читать. Краска сошла, жёсть проржавела, но он держится.

Жемчужина.

Место, где я провела каждый день жизни. Стрёкот в траве. Далёкий лай. Полынь, нагретая до горечи. Столб с покосившейся табличкой.

И одна мысль — ясная, как указатель на выезде. Поступить.

Но сначала — пережить лето и выпускной год.

Глава 2

— У него пачутьё, — говорит Миша серьёзно. — Когда опасно — сразу знает. И маску не снимает. Никогда-никогда.

— Паучье чутьё, — поправляю.

— Ага. И маску — никогда.

— Иногда снимает.

Миша поднимает голову от альбома. Смотрит на меня так, будто я сказала, что земля плоская.

— Нет.

Возвращается к рисунку. Красный фломастер скрипит по бумаге — костюм, паутина, глаза-линзы. Рядом раскрыт комикс. Солнце ползёт по кухонному полу, подсвечивает листы. Миша лежит на животе, болтает ногами в воздухе. Футболка с Человеком-пауком задралась на спине.

— Тут неопасно, — добавляет он, не отрываясь. — Так что нормально.

Я валяюсь на диване. Утром — логопед в райцентре, дорога по кочкам в обе стороны, и сейчас из меня выжали всё. Полуденный ступор. Мухи гудят за окном. Пахнет нагретым деревом и укропом с огорода.

Тётя Света вернётся к четырём — ЕГЭ, дежурство на пункте в соседней деревне. Двенадцать километров туда и обратно. Июнь. Миша уже на каникулах, а у неё — экзамены до конца месяца. Литераторов всегда впрягают. А Мишу оставить не с кем. Больше у нас вообще никого нет.

— Классный рисунок. Мне нравятся звёзды на фоне.

Сутки прошли со встречи «У Палыча», а я до сих пор прокручиваю.

Надо было не разговаривать с ним.

Вообще не смотреть. Но я смотрела.

Паучье чутьё. Моё орало на всю деревню. А я не послушала — стояла, смотрела. Белые кроссовки. Взгляд — прямой. И я забыла, как дышать.

А он ещё будет здесь всё лето. На нашей стороне реки. В том старом доме напротив нашего. И эта мысль уже сутки не даёт покоя.

Часа через полтора хлопает сетчатая дверь — и в кухню вваливается Алина. Щёки красные, волосы собраны кое-как, на плече — холщовая сумка с торчащим батоном. Барон — старый, полуслепой, неопределённой породы, бывший чей-то, теперь наш — поднимает голову с пола, принюхивается и валится обратно. Язык на пол.

Алина двигает ему миску с водой ногой, второй рукой уже открывая холодильник. Достает холодный квас из пластиковой бутылки. Пьёт прямо из горла. Длинный глоток, второй.

— Слышала новость? — спрашивает она, вытирая губы тыльной стороной ладони.

Подскакиваю. Диван издаёт предсмертный стон. Не слышала. Утром — логопед, обратно по кочкам, и с тех пор я лежу лицом в подушку.

— Аккуратней! — Алина машет рукой. — Не свались.

Миша, не отрываясь от рисунка, хрюкает смехом.

— Дом Анны Павловны уже не пустой.

Анна Павловна. Помню. Прямая спина. Острый язык. Когда мы с Алиной были маленькие, Анна Павловна выносила нам чай с вареньем и позволяла качаться в гамаке на веранде, пока тётя Света пылесосила.

Три года как умерла. Долгожительница. Дом с тех пор стоит тёмный. Ставни закрыты, калитка на проволоке. Сирень разрослась до крыши.

Вот только теперь там тот мажор.

— Правнук приехал. На всё лето. Один.

— Тот, из Москвы? Знаю.

— Интересно. Но не суть. Короче, там такие бабки у его отца. — Алина крутит пальцем.
— Тётя Зина рассказала. Ему нужен человек — дом в порядок привести, готовить, следить, чтоб не развалилось всё окончательно. Платит втрое больше, чем твой Палыч.

Работа на дачника. Но через дорогу. Даже велик не нужен. А деньги очень нужны.

У Палыча я каждое лето с пятнадцати. Шашлык, чебуреки, квас, сдача, подносы. Смена бы не помешала. Тем более, если вечера свободны — можно помогать Алине с заказами на выпечку.

— Какие часы? — спрашиваю.

— В том и суть. С девяти до четырёх. Завтрак, обед, уборка, посадки, приготовить ужин — и свободна. Тётя Зина говорит, он с понедельника хочет.

Кусаю губы. Не хочу с ним связываться, но деньги...

— Один, говоришь? Без семьи?

Алина дёргает плечом. Вверх. Вниз.

— Один. Большой пустой дом на одного человека. Единственное условие — не говорить родителям, что всё это сделала ты. Когда приедут. Типа он сам.

Морщусь. Вот придурок. Ещё и врун.

— Даже дом прабабушкин в порядок привести не сам не может?

— Чужая семья — потёмки, — говорит Алина.

Знаю. Наизусть.

Миша переполз к Барону и пытается спародировать его храп.

— Вечера все свободны? — спрашиваю, будто это принципиально. Будто у меня бурная личная жизнь и парень.

— Каждый, — подтверждает Алина. И, к её чести, не спрашивает: «А тебе зачем?»

Каждый вечер. У Палыча я всегда закрываю смены, от которых все бегут, — пятницу и субботу до полуночи. Если вечера свободны — нормальное лето. Костёр на берегу. Купание на закате. Алина, Лёха. Тишина без внедорожников и тонированных стёкол.

— Согласна.

Это работа на дачника. Но на одно лето. На один дом. И я заработаю денег.

Алина уходит — заказ на утро, три торта. На крыльце оборачивается.

— Палычу сама скажешь? Или мне?

— Сама. Завтра.

Она кивает и исчезает за калиткой. Через минуту на крыльце грохочет, и в кухню вваливается дед Матвей.

На плече — мешок. Мокрый. Тяжёлый. От мешка тянет рекой, илом. Дед сдвигает со стола Мишину бейсболку и вываливает в раковину рыбу. Три судака, лещ и что-то длинное, усатое.

— Сом, — объявляет он, проводя ладонью по усам — своим, не сомовым. — На четыре кило потянет. Этих — на уху.

— Дедуль. Куда нам столько?

Дед Матвей — не дед нам. Не по крови. Сосед через два дома. Но рыба у нас в холодильнике — его. Дрова на зиму — его. Забор, который не падает — его руки. Заречье шепчется давно: был влюблён в бабушку. Всю жизнь. Она вышла за другого, родила двоих — маму и тётю Свету — и умерла рано. Дед Матвей так и не женился. И теперь вот нам помогает. А мы ему — полы помыть, пирогом угостить, да истории послушать. У деда их на три жизни. Половина — враньё. Но красивое.

Дед косится на пачку доширака на столе. Качает головой.

— Мой дед дожил до девяноста шести. Не на лапше из пакета.

— Дед Кузьма дожил до девяноста шести, потому что самогон — природный консервант, — заранее говорю то, что он только собирается сказать.

Дед бурчит, уходит домой.

Миша устраивается у меня под боком, прижимая к себе плюшевого кота. Подарок деда Матвея — на двухлетие. С тех пор кот — главный. Зовут Клещ. Почему — никто не помнит. Даже Миша.

Выхожу на крыльцо.

Через дорогу — дом Анны Павловны, серый, с провисшей крышей. Дальше — Алинин, зелёный, со ставнями, которые не закрываются. За крышами, если прищуриться, — блеск воды. Закат тянет по реке рыжую ленту.

Сажусь на ступеньку. Локти назад, лицо в небо. Закрываю глаза.

Вечер пахнет рекой и остывающей пылью. Где-то за огородами — костёр.

Дом напротив — тёмный. Ставни закрыты. Тихо.

Но у меня такое ощущение, будто за мной наблюдают.

Утром к нему пойду.

Утро начинается с Барона. Мокрый нос в щёку, тяжёлое дыхание, запах — лучше не думать какой. Отталкиваю. Он возвращается. Отталкиваю. Возвращается. На третий раз сдаюсь.

Шесть утра. Свет уже резкий, жёлтый — бьёт через занавеску. Миша спит калачиком, прижав к себе Клеща. Тётя Света — давно на ногах: из кухни тянет кофе и радио.

Выхожу босиком. Половицы тёплые.

Тётя Света уже на крыльце. Кружка, взгляд через дорогу. Вчера вечером ставни были закрыты. Сейчас — одна распахнута. На крыльце — спортивная сумка, чёрная, дорогая.

— Доброе утро, — говорю. Сажусь рядом.

Тётя Света молча кивает на дом напротив.

— Пойдёшь? Деньги хорошие.

— Конечно. — Смотрю на обрезанные шорты, майку с пятном. — Так?

Бегу в дом. Возвращаюсь с тушью. Крашу ресницы, проверяя отражение в тётиной ложке.

— Не нужно тебе это, — говорит тётя Света в миллионный раз, но ложку держит ровно.

Через три минуты обуваю шлёпанцы, когда из-за забора появляется дед Матвей. Волосы — во все стороны. В руках — пакет. Из пакета торчит сомовий хвост.

— Дашка! Отнеси. Мальчишка приехал один — чем он там питается? Скажи — от Матвея. Аня бы так хотела.

Смотрю на пакет. На хвост. Не шевелится.

— Дед. Это почти собеседование. Я не могу прийти с рыбой.

— Аня обожала уху. Всегда просила. Может, и этот любит.

— Это далеко от ухи.

Отступаю на шаг.

— Почистишь, сварить, бульон отнесёшь, — командует дед и суёт пакет мне в руки.

Он постарел.

Раньше казался нестигаемым, из тех мужиков, что держат мир на месте одним фактом существования. Сейчас лицо тяжелее. Глаза — мягче. И отказать этим глазам я не умею.

Пакет в руку. Шлёпанцы — на ноги. Крыльцо — вниз. Калитка — скрип.

Восемь утра, а солнце уже жарит. Воздух густой — трава, речная тина, шиповник за заборами. Роса ещё блестит, но через час высохнет. Всё, что у нас есть. Шиповник, ивы, пыльная дорога и река. По одну сторону — мы. Огороды, покосившиеся крыши, бельё на верёвках. По другую, за рекой, на холме — их коттеджи. Кирпичные заборы, камеры, подстриженные газоны.

Тридцать домов в деревенской части — жилых круглый год. Остальные — дачи. Оживают в мае, вымирают в октябре. Зимой мы хозяева. Летом — как придётся.

Через дорогу. Три шага. Калитка на проволоке. Сирень, разросшаяся до крыши, царапает плечо. Тропинка к крыльцу заросла лебедой. Дом старый, довоенный, с верандой и спуском к воде.

Анна Павловна была из другого времени. Из того, где дачники приезжали с книгами, а не с катерами. Варили варенье, ходили за грибами, знали соседей по имени. Задолго до коттеджей и тонированных стёкол.

Сорока на перилах крыльца косится на меня, перебирает лапами.

— Тихо, — говорю ей. — Мне тоже не нравится.

Останавливаюсь.

Глава 3

Мёртвый сом — не лучший аргумент на собеседовании.

Стою у калитки. Пакет в руке, хвост наружу. Тянет илом и речной тиной. Пришла устраиваться на работу — с рыбой. Если это не вся моя жизнь в одном кадре, то я не знаю, что такое метафора.

Калитка на проволоке. Только проволока свежая, блестит. Кто-то уже менял. Продираюсь боком. Ветка сирени цепляет волосы.

— Ай!

Больно.

Отлично. Причёска готова.

И тут голос тёти Зины. Через забор, из-за смородиновых кустов.

— Ставни-то открой полностью, парень! Аня первым делом утром открывала — проветрить! И крапиву у крыльца выдери, а то по колено вымахала!

Осматриваюсь. Парень стоит на крыльце. Спиной ко мне. Футболка — вчерашняя. Или из той же серии: дорогая, здесь бесполезная. На спине — пятно, похожее на грязь. В руке — щеколда от ставни. Вертит, рассматривает. Будто ему показали инопланетный артефакт и попросили объяснить назначение.

— Слышишь, что говорю? — напирает тётя Зина. — Сначала ставни. Потом двор. И крышу проверь — конёк просел ещё при Ане!

— Да слышу, — говорит парень. Голос слегка раздражённый.

— Спасибо скажешь, когда крыша не потечёт, — фыркает тётя Зина.

Он поворачивает голову. Видит меня. Пакет. Хвост.

Секунду мы просто смотрим друг на друга. Я — снизу, от тропинки, в шлёпанцах и с сомом. Он — сверху, с крыльца, со щеколдой в руке. Солнце бьёт ему в спину, лицо в тени, но я вижу — узнал.

— Дарь, — говорит.

Запомнил. Палыч крикнул вчера через всё кафе — и пожалуйста, прилипло.

— Даша, — поправляю.

— Даша, — повторяет. — Мне больше нравится Дарь.

Челюсть сжимается сама. Дышу. Я пришла на собеседование — не на войну. Выдохнуть. Улыбнуться. Не убивать. Пока.

— Я — Макар, — добавляет парень.

— Я из дома через дорогу. — Показываю за плечо. — И... дед Матвей просил передать.

Протягиваю пакет. Хвост качается маятником. Макар смотрит на сома с выражением человека, которому вручили гранату и забыли объяснить, где чека.

— Сом, — уточняю. — Четыре кило. Дед Матвей говорит — Анна Павловна любила уху. Может, и тебе понравится.

— Я не... — Замолкает. Берёт пакет. Заглядывает. — Это целая рыба.

— Обычно они целые.

Тётя Зина за забором крякает — то ли смех, то ли кашель.

Макар берёт пакет и ставит его на крыльцо. Вытирает ладонь о бедро — жест быстрый, бессознательный. Замечаю и отвожу глаза.

— Ты из-за рыбы пришла? — спрашивает.

Ладно. Переходим к главному.

— Из-за работы. Рыба — бонус от деда Матвея.

Спускается с крыльца. Две ступеньки — и мы на одном уровне. Формально. Он выше почти на голову. Вчера я плохо рассмотрела. Теперь расстояния нет. Полметра заросшей тропинки — и приходится задирать подбородок.

Футболка мягкая, вырез растянут. Загар неровный, городской — по линии ворот. И запах. Парфюм. В восемь утра. На крыльце, которое проседает под ногами.

Идиот.

— Мне сказали, — говорю. — нужен человек. Готовить, убирать, привести дом в порядок. С девяти до четырёх.

— Рассказали, — повторяет. Оглядывается на забор, откуда торчит макушка в косынке.

—

— Условия, — говорю. Стоять и болтать некогда. — Часы, деньги, обязанности.

Макар прислоняется к столбу крыльца. Столб трещит. Он выпрямляется.

— С девяти до четырёх. Завтрак, обед, уборка. Если умеешь чинить — чинишь. Если нет — находишь того, кто умеет. Ужин оставить в холодильнике. Вечер свободен. — Пауза. — Пять тысяч в день. Наличными. Продукты и материалы, конечно, за мой счёт.

Пять тысяч. Это больше, чем я рассчитывала. У Палыча за смену — тысяча. С чаевыми — полторы, если повезёт.

Держу лицо. Ему не обязательно знать, как сильно мне нужны деньги.

— Одно условие, — добавляет Макар. — Когда приедут родители — они не должны узнать, что мне кто-то помогал. Дом, двор, огород. Всё — моими руками.

Это мы уже слышали.

— Зачем тебе это? — вырывается раньше, чем успеваю прикусить язык.

Макар смотрит прямо. Без ухмылки.

— Восстановлю дом и сад к сентябрю — получу машину от бати. Не восстановлю — год без колёс. Так что сама понимаешь.

Понимаю. Но как далеко от меня всё, что он говорит.

Точно идиот.

Тётя Зина снова подаёт голос:

— Дашка! Ты ему про малину! Половину сада захватила, Аня жаловалась ещё при жизни.

— Спасибо, тёть Зин! — кричу через забор.

Макар чуть поднимает бровь.

— Она всегда так?

— Она сегодня добрая.

Тень усмешки — мелькнула и пропала. Как солнечный блик на воде.

Осматриваю дом — по привычке, как тётя Света изучает контрольные. Крыльцо просело слева. Перила шатаются. Доски веранды вспучились от влаги. Краска — там, где когда-то была — сошла до серого дерева. Водосток оторван, висит на одном гвозде. Наличники потрескались. Труба на крыше — чёрная от сажи.

Работы — на всё лето. Минимум. И не мне одной.

— Огород? — спрашиваю. — Что ты хочешь с огородом? — Киваю за дом. — Там лебеда по пояс.

— Лебеда — это...

— Сорняк. Нужно выдрать, перекопать и...

Замолкаю. Он ближе, чем секунду назад. Или это я шагнула. Полметра — и парфюм бьёт в нос уже в полную силу, мешается с пылью от крыльца. Пульс стучит в запястьях. Громко. Надеюсь, он не слышит.

Сглатываю.

— Посадить что-нибудь, — говорит он. Тоже сглатывает. — Должно выглядеть убедительно.

— Прохвост малолетний! — кричит тётя Зина из-за забора.
Макар даже не вздрагивает. Смотрит на меня.
— Значит, ты знаешь, как всё это делается.
— Я тут живу. Всю жизнь.
— А я — нет.
— В курсе. — Отступаю на шаг. Так легче думать. — Завтра. С девяти. Я готова работать.
Ты как?
— Беру.
Разворачиваюсь. Три шага по тропинке. Сирень цепляет плечо на обратном пути — ещё
злее, чем по дороге сюда.
— Дарь.
Останавливаюсь. Оборачиваюсь.
— Даша.
— Этого... — показывает на сома в пакете. Лицо серьёзное. — Почистишь?
— Это ещё не работа. Справишься сам. Нож, доска, вода. Чешую от хвоста к голове.
Потроха вынуть. Порезать. Голову оставить — на бульон.
— А если...
— Найди видео в интернете.
Пауза. Он смотрит на сома. Сом смотрит в вечность.
— Три тысячи, — вздыхает. — Почистить и приготовить. На сегодня — всё.
— Вернусь через полчаса.
Выхожу за калитку. Грунтовка. Тридцать метров. Наше крыльцо. Тётя Света с кружкой
— смотрит вверх пара, брови подняты.
Сажусь рядом. Колени к груди.
— Ну? — спрашивает.
— Пять тысяч в день.
Тётя Света медленно опускает кружку.
— С завтрашнего дня. Завтрак, обед, уборка. Огород, ремонт. Вечера мои.
— Рыбу отдала?
— Отдала. Но надо ещё приготовить.
— И?
— Скоро пойду.
Молчит. Делает глоток.
— Господи, — говорит тихо. — И этот будет тут до осени. Ну хоть денег заработаешь.
Не отвечаю. Сажу на ступеньке, смотрю через дорогу. Ставня на доме Анны Павловны
— одна — так и не открыта.
А на коже — запах. Его. Мы даже не коснулись друг друга.
Перевожу дух и иду чистить рыбу.
Стучу в дверь. Тишина. Стучу ещё раз. Где-то внутри — грохот. Потом мат. Сочный,
многоэтажный, с такими конструкциями, каких я даже от Палыча не слышала.
Толкаю дверь. Не заперто.
На полу — мокрые следы.
Кухня.
Макар стоит у раковины. Без футболки. Спина блестит от пота. Мокрые волосы прилипли
ко лбу. В одной руке — нож. В другой — сом. Живот и руки по локоть в чешуе и слизи. На
столе — телефон, экраном вверх. На экране застыл ютуб: «Как разделать сома. Часть 1 из 7».
Часть первая. Из семи.
И уже в таком состоянии.
Он оборачивается. Глаза бешеные.

— Он скользкий, — рычит так, будто сом виноват лично.

Я смотрю на нож. На рыбу. На голый торс в чешуе. На лицо, перекошенное праведным гневом. И впервые за два дня — не могу сдержать смех.

Глава 4

Смех — худший способ начать рабочие отношения.

Стою в дверном проёме чужой кухни, зажимаю рот ладонью и ничего не могу с собой поделать. Нож в одной руке, сом в другой, торс в чешуе, лицо перекошено — и мой смех делает всё только хуже.

— Можешь не ржать, — цедит Макар.

Не могу. Физически.

— Он... — Макар поднимает сома на уровень глаз. — Он выскальзывает. Я держу — он выскальзывает. Прижимаю — он выскальзывает. Я прибил бы его к доске, но не нашёл гвоздей.

— Гвоздей, — повторяю. Вытираю глаза. А дальше — новый приступ смеха.

— Что?

— Ты хотел прибить рыбу гвоздями к разделочной доске.

— А как?

— Солью. Натри солью — перестанет скользить.

Пауза. Макар смотрит на сома. На меня. Снова на сома. Кладёт его в раковину. Тянется к полке — банка с крупной солью, ещё от Анны Павловны осталась.

— Откуда ты это знаешь? — спрашивает, засыпая соль.

— Я тут живу. Тут все это знают.

— Все прибивают рыбу солью.

— Все чистят рыбу. Без гвоздей.

Захожу. Кухня крошечная — четыре шага от двери до окна. Стол, табуретка, плита с ржавыми конфорками. На подоконнике — герань, которая непонятно как выжила без полива. Упрямая. Как всё в этом доме.

Макар стоит у раковины. Лопатки двигаются под кожей — резко, рвано. Злится.

Подхожу. Ближе, чем нужно, потому что кухня не оставляет выбора. Встаю рядом — плечо к плечу. Нет. Плечо к его локтю — он выше.

— Дай.

Забираю нож. Пальцы касаются его запястья. Мокрого, в слизи.

— Смотри. — Беру сома за голову. Прижимаю к доске. — Соль убирает слизь. Теперь от хвоста — к голове. Короткими движениями. Нож почти плашмя.

Веду лезвием. Чешуя летит — мелкая, блестящая, на стол, на стену, на майку.

Если честно, не такой уж я и мастер чистки рыбы. Но по сравнению с Макаром — просто асс.

— Плашмя, — повторяет Макар. Стоит в полуметре. Смотрит на мои руки. Или на шею. Или на ключицу, где сползла лямка майки. Поправляю плечом, не отрываясь от рыбы.

— Теперь ты.

Протягиваю нож рукояткой вперёд. Он берёт. Встаёт к раковине. Я отступаю — шаг, полтора. Прислоняюсь к столу.

Первое движение — слишком резкое. Чешуя веером, на потолок.

— Плавнее.

Второе — лучше. Третье — почти нормально. Сом лежит, Макар орудует ножом, футболка висит на спинке стула. Пот стекает по позвоночнику — его позвоночнику, — и я смотрю на это секунду дольше, чем допустимо. Отворачиваюсь к окну.

Вид: забор, сирень, крыша нашего дома. Антенна. Бельё на верёвке — тётина ночнушка, Мишины шорты, моё полотенце. Макар может это видеть каждый день из этого окна. Мысль неприятная.

— Потроха, — командую, не оборачиваясь. — Разрежь брюхо от хвоста к голове. Аккуратно, не задень желчный. Зелёный пузырь. Если лопнет — мясо будет горчить. Выбросишь.

Тишина. Потом:

— Зелёный. Пузырь.

— Ты его узнаешь.

Возня. Плеск воды. Мат — тихий, сквозь зубы. Но без паники. Справляется.

— Голову оставь, — говорю.

— Зачем?

— На бульон. Дед Матвей обидится, если выбросишь.

— Дед Матвей узнает?

— Дед Матвей знает всё. Включая то, что ты ещё не сделал.

Макар хмыкает. Кладёт голову в миску. Берётся промывать тушку — и через полминуты вода кончается. Он дёргает кран. Ещё раз. Стучит по нему ладонью.

— Сломался.

— Не сломался. Закончилась.

Показываю на умывальник — железный бачок над раковиной, с прижимным штырём. Деревня. Тут нет водопровода. Есть ёмкость, которую нужно заполнять руками. Вёдрами. Из колодца во дворе.

Макар смотрит на бачок. На штырь. На меня. С выражением человека, которому только что объяснили правила игры, в которую он не записывался.

— Каждый раз? — спрашивает.

— Каждый раз.

Обтираю руки о полотенце. Полотенце старое, с петухами.

— Принесу немного воды. Колодец — за домом, левее бани. — Останавливаюсь в дверях.

— Ты правда не знал? Не приезжал к ней? Хотя, да, я тебя здесь не видела.

Молчит. Секунду. Две.

— В последний раз мне было шесть, — говорит. — Потом... Неважно. Больше не ездил короче. — Макар проводит ладонью по краю раковины. — Она передавала варенье для меня, — добавляет. — Малиновое. В банке, обвязанной тряпкой.

Малина. Та самая, что захватила полсада.

Выхожу за водой. Колодец скрипит. Ведро тяжёлое, верёвка режет ладони. Несу, расплёсывая на шлёпанцы. Заливаю бачок.

Макар стоит у подоконника. Трогает герань. Сухие листья крошатся под пальцами.

— Живая? — спрашивает.

— Живая. Может, тётя Зина иногда поливала. Я не знаю.

Он убирает руку. Ничего не говорит.

На крыльце — шаги. Стук. Дверь распахивается — тётя Зина. В руках — пакет. Из пакета торчит укроп.

— Дед Матвей велел. — Ставит на стол. — Картошка, морковь, луковица. На уху. А то знаю я вас — рыбу вон почистили, а варить не из чего. У парня небось шаром покати.

И уходит.

Я варю уху. Макар сидит на табуретке, вытянув ноги в проход — в джинсах, босой, кроссовки брошены у двери. Смотрит, как я режу картошку. Потом — лук. Потом — морковь. Нож стучит по доске ровно и быстро. Тут я на своей территории.

— Ты всегда так? — спрашивает.

— Как?

— Командуешь.

— Я не командую. Я объясняю. Разница.

— Для того, кому объясняют, — никакой.

Поднимаю глаза. Он смотрит прямо.

Варю. Кидаю лавровый лист, перец горошком. Кухня наполняется запахом — речным, густым, с нотой укропа. Дом перестаёт казаться заброшенным. Так бывает: достаточно запаха еды, и стены оживают.

Наливаю уху в тарелку — глубокую, из сервиза Анны Павловны, с синими цветами по краю. Ставлю перед ним. Хлеб — на доске, нарезаю толсто.

Макар берёт ложку. Пробует. Молчит. Ест. Молча. Три ложки, пять, семь.

— Ещё? — спрашиваю.

— Ещё. И сама садись.

— Не нужно.

Пожимает плечами.

Наливаю ему вторую тарелку. Ест.

Потом мою посуду.

— Спасибо, — говорит Макар.

Я оборачиваюсь, но отвечать не успеваю.

На крыльце грохочет, и в кухню снова заглядывает тётя Зина. Платок, фартук, руки в земле.

— О! Уха! — Принюхивается. — Ну-ка...

Берёт ложку из сушилки, пробует прямо из кастрюли. Причмокивает.

— Нормальная. Лаврушки многовато. — Смотрит на Макара. — Ешь давай. Худой, как жердь. Аня бы расстроилась.

Уходит так же внезапно, как появилась.

Макар смотрит на дверь. Потом на меня.

— Она вообще стучит хоть иногда?

— Нет. Никогда.

— И все тут такие?

— Почти.

Забираю три тысячи — он достаёт из рюкзака, отсчитывает купюрами по пятьсот. Прячу в карман шорт. Протираю стол. Выхожу.

На крыльце оборачиваюсь. Он стоит в дверном проёме, прислонившись плечом к косяку. Футболку так и не надел.

— Завтра, — говорю. — Девять утра. И надень что-нибудь, в чём не жалко работать.

Макар чуть наклоняет голову. Смотрит на меня — долго, с ленцой. Уголок губ ползёт вверх.

— Дарь, — говорит. — Ты же понимаешь, за что я плачу пять тысяч в день?

Понимаю. Конечно понимаю. Знала с самого начала, но почему-то забылась и стала его считать почти нормальным человеком.

— Я плачу, чтобы работала ты, — продолжает. — А мне оставалось сказать бате — я сам.

Держу лицо. Получается. Кажется.

— Ясно, — говорю ровно. — Значит, мне надеть что-нибудь, в чём не жалко работать.

Спускаюсь с крыльца. Сирень цепляет волосы — в третий раз за день.

Проклятый куст. Проклятый мажор. Проклятая я, которая три часа назад смеялась с ним на этой кухне и забыла, зачем пришла.

Глава 5

Алина сидит на нашем крыльце. Ноги на ступеньке, волосы мокрые — с реки. Рядом — Мишины кеды, перевёрнутые подошвами вверх. Из дома доносится мультит.

— Ну? — спрашивает.

Сажусь рядом. Пахну рыбой, укропом и чужим парфюмом, который впитался непонятно откуда — мы даже толком не касались друг друга.

— Уху сварила. Рыбу почистила. Три тысячи. — Хлопаю по карману.

Алина поджимает губы. Знаю это выражение. Видела сто раз — когда она вынимает коржи из духовки, и они разваливаются.

— Что?

— Ничего. — Пауза. — Он симпатичный?

— Понятия не имею. Он был весь в рыбьей чешуе.

— Даш.

— Алин.

Она поворачивается ко мне, обнимает колени. Лицо каменеет. Когда Алина уходит в серъёз, шутки заканчиваются.

— Каждое лето одна и та же песня. Приезжают, стреляют улыбками, девчонки тают. А к сентябрю даже имён наших не помнят.

— Это не про меня.

— Конечно не про тебя. Ты же у нас в броне.

Я молчу. Потому что никакой брони у меня нет. Просто не теряю голову при виде любого красавчика.

Лере с нашей улицы каждое лето морочил голову новый дачник. К осени она уже ревела на берегу.

Настю из соседней деревни увозили на неделю в Москву — «знакомить с друзьями». Друзья посмеялись. Настя вернулась и полгода ни с кем не разговаривала.

Я не Лера и не Настя. Но я живу через дорогу, а Алина — моя лучшая подруга, так что сейчас точно будет лекция.

— Я иду туда работать, — говорю. — Девять-четыре. Завтрак, обед, уборка. Деловые отношения. Всё.

— Ага. А уху ты из деловых отношений варила?

— Из сома.

Алина фыркает. Но не улыбается.

— Даш. Я серьёзно. Он уедет. Они всегда уезжают. А тебе тут жить.

— Я в курсе, где живу.

Повисает тишина. Из дома доносится мультит — Миша хохочет над чем-то своим. На крыльце вздыхает Барон, положив тяжелую морду на лапы.

— Лёха, кстати, устроился, — говорит Алина, и я мысленно благодарю её за смену темы. — В коттеджный. Ремонт, покраска. Бригадир — Сан Саныч из Жуковки. Платят нормально.

— Лёха будет красить заборы дачникам?

— Лёха будет зарабатывать на подготовительные курсы. Он прагматик. — Алина подбрасывает камешек. — Как и ты. Поэтому я за вас обоих спокойна.

Врёт. Не спокойна. Но я киваю, и этого хватает. Мы обе делаем вид, что разговор окончен.

— Кстати, о Палыче, — вспоминает Алина. — В пятницу у него выездной банкет в коттеджном. Чей-то день рождения. Ищет руки. Я торты делаю, но ему нужен кто-то на раздачу. Пойдёшь?

— Я же уволилась.

— Ты ещё не уволилась. И Палыч будет меньше орать, если ты ему одолжение сделаешь на прощание.

Логика. Палычу скажу завтра. Банкет в пятницу — терпимо. Лёха будет, Алина будет. Коттеджный — чужая территория, но за деньги.

— Пойду.

Алина наконец улыбается. Встаёт, отряхивает шорты. На крыльце оборачивается:

— Только не вари ему больше уху. А то привыкнет.

Бросаю в неё Мишиным шлёпанцем. Промахиваюсь.

Вечер. Девять. Солнце село за реку, и воздух наконец стал мягким. Пахнет костром — кто-то жжёт ботву за огородами. Мошара выётся у крыльца. Миша уже спит, обняв Клеца.

Сажу на ступеньке. Скрипит калитка, появляется дед Матвей. Штаны закатаны до колен, в руках — удочка и фонарик. С вечерней рыбалки.

— Сом-то приготовила?

— Уху.

— Нормальную?

— Тётя Зина сказала — лаврушки многовато.

Дед крикает. Садится рядом, ставит удочку к перилам. Долго молчит, глядя на дом напротив. Там горит окно — одно, на кухне. Жёлтый квадрат в темноте.

— Аня тоже лаврушку любила, — говорит тихо. — Сыпала, не жалела. Говорила: «Матвей, лавровый лист — от всех бед. В суп кинешь — суп спасёшь. В шкаф положишь — моль сохнет. Под подушку — кошмары уйдут».

Улыбаюсь. Анна Павловна умела из любой мелочи сделать закон. Жёсткая, прямая, строгая — и при этом на веранду пускала всех соседских детей.

— Она этот дом сама подняла, — продолжает дед. — После войны. Муж пропал в сорок третьем, осталась с дочкой. Двадцать два ей тогда было. Брёвна таскала на себе. Крышу клала с Фёдором — тот руку на фронте потерял, работал одной. Вдвоём — она и однорукий плотник — за два лета дом поставили. — Кивает через дорогу. — И не жаловалась. Ни разу.

Молчу. Дом Анны Павловны — с провисшей крышей, облезлой краской, покосившимся крыльцом. Но стоит.

— А теперь внук приехал, — говорит дед. — Правнук, то есть. — Приехал. — Руками-то работать умеет?

— Рыбу чистить — нет.

Дед усмехается. Достает из кармана модную фляжку. Отвинчивает. Запах — резкий, бьёт в нос.

— Самогон, Дашка, — наставительно говорит. — Суставы — как новые. Аня всегда говорила: «Матвей, от твоего самогона даже забор перестаёт шататься».

— Забор шатается до сих пор.

— Это другой забор.

Смеюсь. Дед прячет фляжку. Смотрит на жёлтый квадрат окна.

— Ты приглядывай за ним, — говорит. — Ради Ани.

Не отвечаю.

Дед уходит. Шаркает по тропинке, фонарик прыгает в темноте.

Я остаюсь одна.

Смотрю на жёлтый квадрат окна. Шторка вздрагивает едва уловимо. Замираю. Оттуда кто-то смотрит на меня.

Или мне кажется.

Поднимаюсь, ухожу в дом. Закрываю за собой дверь — и только тогда выдыхаю.

Завтра в девять утра мне снова туда.
К этому мажору.

Глава 6

Двадцать три шага от калитки до калитки. Я считала.

Дом Анны Павловны стоит через дорогу — и всю жизнь он был частью пейзажа, как указатель на выезде или ржавая колонка на углу. Заросший бурьяном участок, забор, который держится на честном слове, крыша в заплатках из рубероида.

Бабушка иногда говорила — «Хороший был дом. При Анне Павловне — конфетка».

Сейчас девять утра, июнь, жара уже набирает обороты, и я стою у чужой калитки с ведром, тряпками и лопатой.

Калитка скрипит.

Вхожу и осматриваюсь, теперь уже внимательно.

Участок — катастрофа. Лопухи по пояс, крапива вдоль забора, посередине — старая яблоня, кривая, с чёрными ветками. Тропинка к дому угадывается по продавленной земле, но трава почти закрыла её. Крыльцо — три ступеньки, средняя провалена. Перила нет. Над дверью — козырёк из шифера, съехавший набок.

Стучусь. Открываю дверь. Не заперто. В сенях — запах пыли, старого дерева и чего-то кислого. Обувь: его белые кроссовки, уже не белые. Рядом — пакет из продуктового.

Кухня. Стол, покрытый клеёнкой с выгоревшими розами. Две табуретки. Раковина с потёками ржавчины. Кран торчит криво. Окно мутное, свет сквозь него — как через марлю.

На столе — ноутбук, зарядка, бутылка воды, пустая упаковка от роллов. Значит, заказывал из райцентра. Доставка сюда стоит как сами роллы.

Не пойму, ухи не хватило?

Дальше — комната. Диван, застеленный спальником. Подушка без наволочки. На полу — спортивная сумка, раскрытая, из неё торчат вещи. Футболки. Джинсы. Зарядка для телефона. Всё свалено, будто он вывернул сумку и взял сверху первое попавшееся.

Макара нет.

Прохожу дальше. Вторая комната — пустая, пыльная, потолок в разводах от протечки. Обои в цветочек, вздувшиеся пузырями. Здесь когда-то была спальня. Кровать — железная, с панцирной сеткой, без матраса. На подоконнике — стакан с давно засохшими цветами.

Поднимаюсь по узкой лестнице. Чердак. Жара здесь — как в духовке. Низкий потолок, балки, между ними — щели, через которые видно небо. Вот откуда протечка. Коробки, старые чемоданы, тряпки. Прабабушкина жизнь, запакованная и забытая.

Спускаюсь.

Макар стоит в кухне. В шортах. Без футболки. Волосы мокрые — видимо, обливался у колонки на улице. В руке — та самая бутылка воды.

— Ранняя птичка, — говорит он.

— Девять ноль три. Как договорились.

Он отпивает воду. Я смотрю мимо — на раковину, на стену, на клеёнку с розами. Куда угодно, кроме.

— Осмотрелась? — спрашивает он. — Ну и как?

— Крыша — дырявая. Потолок в спальне — в грибке. Кран течёт. Крыльцо — средняя ступенька сгнила. Забор — половина штакетин — дрова. Обои — под снос. Участок — джунгли.

Пауза.

— Ты хотел, чтобы я восстановила этот дом?

— Ну, — он дёргает плечом, — батя сказал «привести в порядок». Не уточнял стандарты.

— Стандарт один: чтобы здесь можно было жить, а не выживать.

Он снова усмехается. Уголок рта. Глаза — на мне. Внимательные. Даже слишком.

— Ты каждый день будешь так? — спрашиваю.

— Как?

— Стоять и смотреть. Пока я работаю.

— А что, мешает?

— Мешает.

Он поднимает руки — жест «сдаюсь». Отступает к столу, садится на табуретку. Табуретка скрипит. Открывает ноутбук.

Я достаю тряпки. Нахожу под раковиной ведро — ржавое, дырявое. Ну кто бы сомневался.

Своё принесла. Знала.

Начинаю с кухни. Протираю стол, раковину.

Подвесной раковины пуст.

Несу воду с улицы.

Мою окно. Свет меняется сразу — как будто кто-то вытащил марлю и впустил июнь.

Макар смотрит поверх экрана. Я чувствую, даже не оборачиваясь.

— Можешь помогать, — говорю. — Это же твой дом.

— Технически — прабабкин.

— Технически — ты мне за это платишь, но ремонт крыши тряпкой не сделать. Нужны руки. Две пары.

Тишина. Потом — звук закрывающегося ноутбука. Скрип табуретки. Шаги.

Он встаёт рядом. Близко. Я протираю подоконник. Он — в полуметре. Я чувствую тепло от его тела, запах — что-то дорогое, хвойное, нелепое в этой кухне с ржавой раковиной и клеёнкой в розочках.

— Что делать? — спрашивает.

Голос серьёзный.

Чуть не роняю тряпку от удивления.

Оборачиваюсь. Он стоит, опустив руки. Смотрит.

— Крыльцо, — говорю. — Среднюю ступеньку укрепить. Доски — в сених, за дверью. Гвозди — в банке на подоконнике. Молоток — нормальный поищи в кладовке.

Он стоит ещё секунду. Кивает. Уходит.

Выдыхаю.

Вскоре слышу — стук. Неровный, с паузами. Один удар — тишина. Второй — мат. Третий — снова тишина. Подхожу к окну. Макар сидит на корточках у крыльца. В одной руке — доска. В другой — гвоздь. Молоток зажат под мышкой. Он пытается одновременно держать доску, приставить гвоздь и ударить — и это физически невозможно, но он не просит помощи.

Гвоздь гнётся. Макар смотрит на него с выражением человека, которого предал близкий друг.

Я отворачиваюсь от окна. Губы дёргаются.

Нет. Не смешно. Он мне платит, я делаю работу.

Всё.

Без улыбок.

За стеной — грохот. И длинное, прочувствованное:

— Бл...

Потом тишина.

Потом — стук. Снова неровный. Но упрямый.

Я больше не могу держаться и смеюсь. Тихо, в кулак, отвернувшись к окну — но смеюсь, по-настоящему. Над гнутым гвоздём. Над молотком в его руках. Над роллами с доставкой в доме без водопровода. Над парнем, который думал, что «привести в порядок» — это пара движений и наличные.

Смех обрывается, когда я чувствую взгляд.

Макар. В дверном проёме. Молоток в руке, дулом вниз. Палец обмотан — кажется, той самой тряпкой, которой я полчаса назад вытирала подоконник. Он не злится. Он просто смотрит. И в этом взгляде — вопрос, прямой и без усмешки: и что смешного?

Глава 7

Я моргаю. Смех и правда застревает в горле, сменяясь холодком. Нельзя. Я на работе. Он мне платит. Пять тысяч в день за то, чтобы я не ржала над его попытками прибить доску, а не за то, чтобы оценивать боевые ранения.

Сглатываю. Вытираю ладони о фартук. Спускаюсь с крыльца.

— Дай, — говорю.

Он молчит. Секунду. Две. Потом разжимает пальцы. Отдает молоток.

Беру гвоздь. Приставляю к доске. Держу двумя пальцами — близко к шляпке, но не так, чтобы отбить.

— Бей, — говорю. — Уверенно. Не думай про палец. Думай про гвоздь.

Макар перехватывает молоток. Замахивается. Бьет.

Гвоздь входит в дерево. Ровно.

— Еще, — говорю.

Он забивает второй. Кривовато. Но держится.

— Нормально, — говорю. — Для первого раза.

Он вытирает лоб тыльной стороной ладони. На лбу — грязная полоса. Смесь пыли и пота.

— Отлично, — говорит он.

Отворачиваюсь. Иду обратно к ведру. Спина горит. Чувствую его взгляд.

Работаем молча. Он — снаружи. Прибивает, таскает, отдирает старые доски. Я — внутри. Мою, протираю, скоблю.

Солнце поднимается выше. Становится жарко. Воздух густой, пыльный, пахнет нагретым деревом и старой краской. Через час выношу ему бутылку воды. Ставлю на перила крыльца. Он берет, пьет долго, жадно. Кадык ходит вверх-вниз.

Иду обратно в дом.

Проходит еще пара часов. Я мою окно на веранде с улицы. Тряпка, мыльная вода, стекло противно скрипит под пальцами.

Макар сидит на крыльце, в узкой полосе тени. Телефон прижат к уху. Он думает, что я не слышу. Или ему все равно. Голос в трубке сочится сквозь тишину. Громкий. Резкий. Я не разбираю слов, но интонацию не спутаешь. Холодная, требовательная сталь. Так говорят с подчиненными, которыми недовольны. Или с детьми, которые не оправдали ожиданий.

Макар отвечает тихо, сквозь зубы:

— Да, пап. — Пауза. — Я делаю. — Пауза. Длинная, тяжелая. — Я понял. — Пауза. — К сентябрю всё будет.

Он замолкает, слушает. Плечи напрягаются так, что ткань футболки натягивается. Свободная рука сжимается в кулак, костяшки белеют.

— Я не на курорте, пап, — выдавливают он наконец. — Я тут дом ремонтирую.

Ну что сказать, и правда ремонтирует. Не собирался ничего делать, а в итоге за весь день даже не присел.

Голос в трубке становится громче. Макар морщится, отводит телефон от уха на вытянутую руку.

— Хорошо. Понятно. До свидания.

Он сбрасывает вызов. Смотрит на погасший экран.

Взмахивает рукой, чтобы швырнуть телефон в стену. Я невольно вздрагиваю, вжимая голову в плечи. Но в последний момент он тормозит руку. Сжимает челюсти. Опускает. И просто с размаху бросает смартфон на деревянную ступеньку.

Треск. Экран идёт трещинами.

Макар проводит ладонями по лицу. Сидит, сгорбившись. Вдруг совсем как будто не мажор. Просто парень, которого отчитали и который только что сломал вещь за три тысячи долларов.

Я замираю с тряпкой в руке. Не должна была это видеть. Медленно опускаю тряпку в ведро. Вода глухо плещется.

Макар поднимает голову. Видит меня. Пауза. Он ждет.

Я вытираю руки о фартук. Подхожу к сумке, которая стоит в углу веранды. Достāju бутылку холодного кваса. Алина сегодня утром передала, из холодильника, с ледяной коркой на стекле.

Откручиваю крышку. Подхожу к крыльцу. Протягиваю ему.

Макар смотрит на бутылку. Потом на меня.

— Это... — он хрипит, сглатывает комок.

— Пей, — говорю. — А телефон починишь. В район сгоняешь, отдашь в сервис.

Он берет бутылку. Пьет долго.

— Спасибо, — говорит тихо.

Киваю. Не смотрю на него. Смотрю на окно, которое не домыла.

— Там, на веранде, рама отходит, — бросаю я, возвращаясь в рабочий тон. — Нужно будет завтра прибить.

— Прибьём, — говорит он.

Я возвращаюсь к ведру. Спина горит. Чувствую его взгляд между лопаток. Беру тряпку. Продолжаю мыть окно.

Проходят часы. Солнце ползёт по небу, клонится к реке. Жара спадает, но пыль остаётся — висит в воздухе золотой взвесью. Руки гудят. Спина ноет. Я мою, скоблю, протираю — механически, на автопилоте.

И вдруг — голос за спиной.

— Даша.

Я замираю. Тряпка зависает на стекле, оставляя мутный развод. Даша. Он впервые так меня назвал.

Вытираю руки о старый фартук. Оборачиваюсь. Он сидит на нижней ступеньке крыльца, упершись локтями в колени. Бутылка из-под кваса стоит рядом. Голова опущена.

— Спасибо, — говорит он.

— Уже говорил.

Вечерний ветер тянет с реки. Шевелит высокую траву между нами. И вдруг становится тихо. По-настоящему тихо. Только ветер. Только далёкий, глухой плеск.

Я смотрю на него. Он поднимает голову. Тоже смотрит на меня. Настолько долго, что хочется отвести взгляд. Но почему-то не получается.

Вдруг приходит в голову совершенно ненужная, опасная мысль. Он красивый. Красивый какой-то тяжелой, хищной, породистой красотой. Я злюсь на себя за эти мысли. У меня на таких иммунитет. Они все одинаковые, им просто скучно. Но сейчас...

И именно поэтому я не замечаю, когда он поднимается. Один шаг. Другой. Останавливается совсем рядом. Настолько близко, что я чувствую запах нагретой за день кожи.

Сердце делает что-то странное. Сначала почти останавливается, а потом несётся галопом по всей грудной клетке. Глупость какая. Это жара. Пыль. Усталость. Ничего больше.

Мы просто стоим. Просто смотрим друг на друга. Его взгляд скользит по моему лицу, задерживается на глазах, а потом... медленно опускается. К моим губам. Пересохшим от жары и пыли.

Это длится секунду. Но в этой секунде — всё.

Воздух между нами сгущается. Дышать нечем. И в этот момент я понимаю: мой дурацкий иммунитет больше не работают. Только внутри захлопнулся капкан. И назад, в безопасную реальность, уже не вернуться.

*** Подписной

— Даша! — доносится крик от реки, и я вздрагиваю.

Знакомый голос. Алина.

Оборачиваюсь всего на секунду.

А когда снова смотрю на Макара — он уже делает шаг назад.

Будто ничего не было. Будто мне показалось. Будто тот самый момент между нами просто игра света и усталости.

Но сердце почему-то продолжает колотиться.

А когда я ухожу, он смотрит мне вслед.

Утром просыпаюсь злая.

На Макара. На себя. На то, что полночи ворочалась, вспоминая вчерашний вечер, и снова ловлю себя на том, что невольно касаюсь губ.

Ничего ведь не произошло. Вообще ничего. Мы просто разговаривали. Просто стояли рядом. Просто смотрели друг на друга.

Тогда почему я до сих пор чувствую, как он был близко? Почему в памяти всплывает его запах? Почему губы до сих пор горят?

Барон тыкается носом мне в ладонь и тихо скулит, почуяв моё настроение. Я механически чешу его за ухом, сбрасывая одеяло.

За окном лето уже совсем разошлось: жаркое, солнечное, наглое.

Босиком иду к окну.

Дом Анны Павловны через дорогу кажется совершенно обычным. Серый, с покосившимся крыльцом и открытой ставней. Никакой магии. Никаких тайн. Никаких причин смотреть туда и искать там его силуэт. Поэтому я смотрю. И тут же отворачиваюсь, чувствуя, как пылают щёки. Какая ерунда.

Лучше думать о банкете.

Работы — непочатый край, да и Палыча подвести нельзя.

Вот и отлично, будет чем занять голову.

Я докажу себе, что всё вчерашнее — случайность. Что я не такая, как местные дурочки, вьющиеся вокруг заезжих мажоров. Буду просто работать.

И всё вернётся на круги своя.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.